

УДК 82.091+821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52+83

ГРИБОЕДОВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМАХ А.П. ЗАВАДОВСКОГО П.А. ВЯЗЕМСКОМУ

© 2020 г. С.С. Минчик

*Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия*

Дата поступления статьи: 25 мая 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-288-307

Аннотация: В литературе о «дуэли четверых» А.С. Грибоедову создается образ невольного свидетеля убийства В.В. Шереметева А.П. Завадовским. Однако факты, которые указывают на причастность сочинителя «Горя от ума» к трагическому исходу поединка 1817 г., наука в течение десятилетий игнорирует. Причина тому — немногочисленность и однотипность сведений, связанных с этим происшествием. Все они служат основанием для реконструкции тех либо иных деталей, но ни одно не раскрывает характер влияния гибели Шереметева на всех фигурантов случившегося. Показателен пример и материалов к биографии Завадовского — скудность их содержания до сих пор не позволяла проверить данные о воздействии рокового поединка на его личность. Исключение — документы, которые хранятся в личном фонде П.А. Вяземского в РГАЛИ. Расшифровка эпистолярия Завадовского, его комментариев и перевод помогают установить, чем занимался убийца Шереметева в 1822 г., о чем он размышлял, с кем дружил и как соприкасался с писательским кругом общения. Особенности его эволюции сопоставляются с переменами в жизни автора «Горя от ума», сделанные обобщения соотносятся с проблемами и задачами современного грибоедоведения.

Ключевые слова: грибоедоведение, биография, источниковедение, текстология, комментарий, «дуэль четверых».

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Минчик — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», проспект Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия.
ORCID ID: 0000-0002-4386-6619

E-mail: sersermin@ukr.net

Для цитирования: Минчик С.С. Грибоедоведческий материал в неизвестных письмах А.П. Завадовского П.А. Вяземскому // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 288–307. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-288-307



GRIBOEDOVISTIC MATERIAL IN THE UNKNOWN LETTERS OF A.P. ZAVADOVSKY TO P.A. VIAZEMSKY

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. S.S. Minchik

*V.I. Vernadsky Crimea Federal University,
Simferopol, Russia*

Received: May 25, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Abstract: Scholars who study the “duel of the four” which occurred in 1817, state that Alexander Griboedov, the author of *Woe from Wit*, was an involuntary witness of Vasily Sheremetev’s murder by Count Alexander Zavadovsky. However, until now the writer’s involvement in this event seems to have been overlooked. This could be due to the lack of contemporaneous sources related to the tragedy on the Volk’s Field. All relevant published materials have been used to investigate and reconstruct details of the incident, but none of them explains the impact that the death of Sheremetev had on the later life of its participants. The only exception are: Zavadovsky’s papers kept in P.A. Viazemsky’s personal fund in RSALA. Deciphered, processed, translated and introduced to the scholarly world, these materials will shed some light on what happened to Sheremetev’s murderer after the “duel of the four”: what his interests were, where he travelled, with whom he had relations with and how close he was to Griboedov. The transformation of Zavadovsky’s views is compared with those of the Russian author after the year of 1817; the conclusions of the essay correlate with Griboedov studies.

Keywords: Griboedov studies, source study, biography, textology, commentary, “duel of the four.”

Information about the author: Sergey S. Minchik, PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Russian and Foreign Literature, V.I. Vernadsky Crimea Federal University, Acad. Vernadsky ave 4, 295007 Simferopol, Russia. ORCID ID: 0000-0002-4386-6619

E-mail: sersermin@ukr.net

For citation: Minchik S.S. Griboedovistic Material in the Unknown Letters of A.P. Zavadovsky to P.A. Viazemsky. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 288–307. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-288-307

I

23 октября 1818 г. у селения Куки близ нынешнего Тбилиси состоялся поединок А.С. Грибоедова с А.И. Якубовичем [9, с. 22]. Он стал продолжением и одновременно развязкой конфликта, который начался на Волковом поле в Санкт-Петербурге 12 ноября 1817 г., когда стрелялись А.П. Завадовский и В.В. Шереметев [9, с. 16]. Такова общая картина «дуэли четверых». Что же касается частностей, один из ярких эпизодов истории русского дворянства и ныне остается не проясненным до конца, находясь в фокусе различных повествований и комментариев уже в продолжение двух сотен лет (Я.А. Гордин, В.Н. Есенков, А.В. Кацура, О.В. Седова, Д.А. Смирнов, В.В. Шереметевский, С.Н. Шубинский и пр.).

В новейших биографиях Грибоедова преобладает мнение, что противостояние Завадовского, Шереметева и их секундантов, заняв видное место в писательской судьбе, не отразилось на ней серьезно (Н.А. Тархова, С.А. Фомичев, Ю.Е. Хечинов, Е.Н. Цимбаева). Точка зрения, которая противоположна ему, аргументируется убедительно, но в настоящее время не имеет распространения и поддержки [12, с. 105–106]. Причина тому — ограниченный характер сведений об инцидентах 1817–1818 гг., которыми располагает исследователь.

Корпус данных, проясняющих перипетии «дуэли четверых», считается в достаточной мере изученным [1, с. 426, 427, 444, 446]. Однако их сосредоточенность лишь на некоторых фактах не дает возможность составить более широкий вывод о значении случившегося для Грибоедова. Другое дело — материал, который связан с преступлением Завадовского косвенно. Он раскрывает не собственно детали произошедшего, но

составляющие, которые помогают лучше понять литератора-дипломата. Это и слухи о его причастности к кровавому исходу событий 1817 г. [14, с. 210–211], и наблюдения над приступами «ипохондри», не раз вынуждавшими «сочинителя Фамусова и Скалозуба» [3, с. 98] задумываться о смерти [12, с. 74–110].

Жизнеописание графа Александра Петровича Завадовского не исключение. Информация о том, как гибель Шереметева изменила его, позволяет сделать важные предположения в отношении всех участников катастрофы двухвековой давности.

Документов, в которых описываются действия Завадовского после рокового поединка, немного [18, с. 383–386; 20, с. 172; 24, с. 242–243]. Более или менее подробными, а потому главными среди них остаются воспоминания О.А. Пржецлавского. В них рассказывается, как виновник трагедии на Волковом поле воспринял содеянное: став пессимистом, он предпочел уединение свету и ограничил свои контакты с людьми [18, с. 384, 386].

Так выглядит общая канва жизни грибоедовского приятеля после «дуэли четверых», попытки ее уточнить или опровергнуть учеными не предпринимались. Цель настоящей статьи — воссоздать черты образа Завадовского с опорой на неопубликованные рукописи и соотнести их с дискуссией о Грибоедове.

Источники, сообщающие об убийце Шереметева и наличествующие в свободном доступе, относятся к области «чужого слова». Собственно же его свидетельства, которые могли бы использоваться для решения задач грибоедоведения, в обиходе отсутствуют. Впрочем, данную проблему из ряда непреодолимых отныне следует исключить.

В настоящее время известно о трех письмах, а если точнее, записках графа Завадовского, которые хранятся в РГАЛИ. Они приобщены к личному фонду П.А. Вяземского (№ 195) и сгруппированы в одном деле (№ 1920)¹.

¹ Орфография и пунктуация писем графа А.П. Завадовского князю П.А. Вяземскому воспроизводятся без изменений.

1)

Его сиятельству милостивому государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве².

25^{го} января³. 1822. Киев.

Тебя я оставил с сердечным сожалением, любезный князь и в этом ты мне поверишь, получи си⁴ письмо, которое пишу в такое время, когда от дел у меня голова кругом идет. Контракты ад кипящий⁵, я из него через два дни думаю выйти и ехать в деревню, где побыв дней 10, еду в Петербург также на весьма короткое время. Постараюсь быть в Москве, единственно, чтоб повидаться с такими людьми, как ты. — Как ты! Что я говорю! — в каких столицах найдешь несколько тебе подобных. — Ценю тебя всею душою. — Прощай.

Завадовский.

Дм. Давыдову кланяюсь. Mes respects a Madame votre feme. Et n'oubliez pas de m'envoyer votre portrait ici a Kiov chez Schlepfer⁷.

2)

Его сиятельству милостивому государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве⁸.

2 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 2. Слово «Москве» подчеркнуто автором.

3 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 1.

4 Слово напоминает букву «ш» с точкой (чернильной каплей?) сверху, наиболее подходящим кажется следующий вариант его прочтения: «сие».

5 Фраза «ад кипящий» подчеркнута автором.

6 РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 1920. Л. 1 об.

7 «Со всем уважением к мадам Вашей жене. И не забудьте мне выслать Ваш портрет сюда в Киев на адрес господина Шлепфера»). Последнее слово можно прочитать как «Schletzer», «Schlepter», «Schlester» и т. п. Расшифровка и перевод с французского — Геннадий Игоревич Беднарчик (г. Нетания, Израиль).

8 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 4 об. Фраза «в Москве» подчеркнута автором.

12 февраля⁹. 1822. Тепловка.

После контрактов киевских мне хотелось ехать к вам в Москву, пови-
даться, порезвиться и на маслечной какую-нибудь красавицу прокатить,
но проклятые дела зовут меня в Одессе, куда еду купить нужное имение.
Странно Любезный князь, что в жизни редко встречаешься с людьми, с
коими, как с тобою хотел бы век не растаться. — О женском поле ни слова не
скажу. Завтра наступает пост. — Я пускаюсь в дорогу, и¹⁰ буду есть, что всяк
пошлет, а не стерляди, на которых вы постите. Искилось теперь житье, на
окуневом блюде¹¹ и в шитом золотом кафтане, который ты с себя сбросил,
а я еще не смел скинуть. От Тимирязева я уже получил письмо, надеюсь,
что и ты Любезный князь меня не забудешь — Истинно тебя любящий и
почитающий

Завадовский.

Забыл сказать главное. — Податель сего сосед мой, роду из укра-
инцев, также как и я. — Видал¹² ли ты украинца? они добрые люди, а ты с
добрыми всегда ласков. Имя его Лисаневич¹³.

3)

Его сиятельству Князю Петру Андреичу Вяземскому¹⁴.

Киндяков¹⁵ пристал ко мне вчера: ручаюсь ли я, что ты будешь к нему
на бал в понедельник — Я его успокоил, заверив, что ты не отвергнешь его
приглашение. Не запиши меня в лгуны и дай мне слово ехать к нему вместе.

Душою всей твой

Завадовский

⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 3.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 3 об.

¹¹ Фраза «окуневом блюде» подчеркнута автором.

¹² После буквы «и» в слове стоит знак переноса, с «д» начинается новая страница
(РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 4).

¹³ Фамилия «Лисаневич» подчеркнута автором.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 5 об.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1920. Л. 5. Расшифровка фамилии — Никита Глебович
Охотин (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Обедаю я дома один с Тимирязевым, добро пожаловать¹⁶.

II

Публикуемые тексты нуждаются сразу в нескольких оговорках.

Во-первых, в части авторства их принадлежность именно А. Завадовскому не вызывает сомнений и подтверждается материалами того же самого фонда РГАЛИ. Родной брат графа Александра, Василий, также общался с Вяземским, но у него был другой почерк и привычка подписывать корреспонденцию полностью, наряду с фамилией вдобавок указывая свое имя¹⁷. Во-вторых, рукописи приятеля Грибоедова с большим трудом поддаются чтению и, соответственно, разбору. Латиница в них произвольно и повсеместно чередуется с кириллицей, одни и те же буквы изображаются не похожими как друг на друга, так и на хрестоматийный образец. Ввиду этого расшифровки эпистолярия А. Завадовского, в целом не противоречащие смыслу более широких контекстов, в ряде случаев следует перепроверить.

Не требуют дополнительного внимания те места из его переписки, где речь идет о собственных именах. Они почти всегда читаются без труда и позволяют сделать немаловажные выводы.

Один из них касается темы связей, которые скандальный участник «дуэли четверых» после событий 1817 г. все-таки решил не обрывать. Вот что пишет о них Пржецлавский: «Вследствие как этого злополучного дебюта, так и тогдашним обстоятельствам, идущим в разрез с усвоенным во время пребывания в Англии воззрениями, Завадовский в службу не вступал и не бывал в обществе, а тому и другому предпочел независимую, так сказать, уличную, жизнь и знакомство, состоящее из очень тесного кружка» [18, с. 386]. И далее: «По смерти брата, не оставившего потомства, и по смерти матери, дожившей до глубокой старости, граф Александр, наследовав значительное состояние, переехал на постоянное жительство в Таганрог, где в 1850-х годах умер совершенно одиноким» [18, с. 386].

Кто еще входил в число лиц, сохранивших или завязавших дружбу с убийцей Шереметева, Пржецлавский не говорит, подразумевая лишь себя одного. Но дополнить его слова можно.

16 Фраза «добро пожаловать» подчеркнута автором.

17 РГАЛИ. Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1–4; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1918. Л. 1.

III

В письмах Завадовского из фонда РГАЛИ фигурирует несколько имен, относящихся к кругу его общения после трагедии 1817 г. Самое заметное среди них принадлежит адресату выявленной корреспонденции, Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878). Еще одно примечательно тем, что называется приятелем Грибоедова более одного раза.

Об Аркадии Семеновиче Тимирязеве (1789–1866) известно не очень много [17, с. 485]. Впоследствии сенатор и тайный советник, Завадовского он мог знать хорошо, но вероятность их тесного общения не велика. Тому причина — прохладное отношение сановника к высшему свету, которое после восстания декабристов и вовсе переросло в неприязнь [27, с. 22; 28, с. 13–15].

Его брат Иван (1790–1867), напротив, общества не избегал. Сначала он состоял при Великом князе Константине, а затем получил звание флигель-адъютанта в свите Императора Николая [22, с. 519]. Все это открывало больше возможностей для знакомства и сближения с Завадовским, который в свое время также был камер-юнкером при дворе¹⁸, и окружение Тимирязева-младшего тому способствовало во многом.

Общался он с людьми яркими и знаменитыми. Его сын Федор писал об этом: «Вяземский жил в то время в Москве и, находясь с ним в самых искренних и дружеских отношениях, отец мой сблизился с Жуковским, Пушкиным, с дядею его Василием Львовичем, с Соболевским, с графом Толстым (Американцем), Нащокиным, Денисом Давыдовым и с блестящею молодежью того времени» [21, с. 300]. Относился ли к ней Завадовский, не ясно, но далее автор воспоминаний об И. Тимирязеве добавлял: «Особенно ценил он и дорожил отношением к Вяземскому, Пушкину и Жуковскому. Он часто говаривал, что любил всю душою первого, восхищался и гордился вторым и почти благоговел перед последним» [21, с. 300]. И еще: «Вяземского я знал лично, пользовался его благосклонным расположением, так сказать по наследству, и мог лично убедиться в прочности дружеских уз» [21, с. 301].

Слова Ф. Тимирязева подтверждаются архивными документами. В 1854 г. Вяземскому сообщается о его друге, попавшем в неприятно-

¹⁸ В официальном делопроизводстве тех лет титулатура Завадовского воспроизводилась так: «Двора Его императорского величества камер-юнкер, граф и кавалер» [12, с. 94].

сти из-за интриг, при этом составителем «отчета» здесь выступает не кто иной, как В. Завадовский — член Сената, вовлеченного в решение «дела Тимирязева»¹⁹. К судьбе одного из Нащокиных, Павла Александровича [25, с. 883–884], Вяземский также проявляет интерес. О ней в 1835 г. ему «докладывает» уже А. Тимирязев, причем не просто подробно — свои письма к князю он буквально посвящает этой теме²⁰.

Встречается у Завадовского упоминание и Дмитрия Александровича Давыдова (1786–1851). Последний известен как чиновник при Московском генерал-губернаторе [5, с. 62], но более интересны его контакты. Чаще всего исследователи говорят о Давыдове в контексте пушкинского окружения и, как правило, называют этого человека товарищем все того же Вяземского [16, с. 128].

Петр Васильевич Киндяков (1768–1827) был генералом и симбирским помещиком. Однако в обществе о нем знали по причине не этих заслуг — его дочери вызывали всеобщее восхищение, а дом в Москве считался одним из центров светской жизни [2, с. 21–35].

Как видно, перечень лиц, связанных с письмами Завадовского, скромный, но красноречив, и самой весомой здесь кажется фигура Вяземского. Им поддерживаются более или менее тесные отношения не только с Тимирязевыми, но также с Дм. Давыдовым, Киндяковым и В. Завадовским, которых, в свою очередь, знает и брат последнего Александр. Собственно Вяземскому он пишет в доверительном и даже откровенном тоне, то и дело подчеркивая свое почтение к нему и дружескую любовь, с одним из Тимирязевых проводит время «дома один», а Дм. Давыдову, в свою очередь, просит передать от себя поклон. Все это не только добавляет вес словам Пржецлавского о существовании некоего «кружка» [18, с. 386], который сложился вокруг приятеля Грибоедова после «дуэли четверых», но и в известном смысле подтверждает его «тесноту».

IV

Приведенные сведения не второстепенны — их научный потенциал раскрывается при характеристике лиц, упомянутых Завадовским в его записках к Вяземскому.

19 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1918. Л. 1–1 об.

20 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2844. Л. 1–3.

Аркадий Тимирязев не любил свет в силу нравственных установок. Но к службе он относился более чем серьезно, впоследствии снискав репутацию образцового чиновника [26, с. 22; 28, с. 13–15].

Его брат Иван, хотя и бывал в обществе чаще, также славился порядочностью и ответственностью [21, с. 155–180, 298–330]. А.М. Фадеев писал о нем так: «Удивительная смесь противоположностей в характере, хотя с положительным преобладанием благородного и доброго над всем прочим; человек умный, честный, благонамеренный, прямой, энергичный, но, вместе с тем, пылкий» [29, с. 116]. И еще: «При своих безвредных слабостях, он был, по крайней мере, человек умный, благонамеренный и бескорыстный» [29, с. 116].

Давыдов больше известен как член тайного общества и хозяйственник, достигший успехов в теории и практике сахарного производства [5, с. 62]. Современникам между тем он запомнился и благодаря отзывчивости, которая в части поддержки гражданских инициатив поставила его в один ряд с передовыми людьми эпохи [7, с. 46–47; 16, с. 128].

Личность Вяземского изучена хорошо. Друг А.С. Пушкина, этот поэт-вольнодумец в свое время считался видным борцом за справедливость и реформы в стране [12, с. 502]. С 1821 г. он жил в Москве, бросив службу ввиду несогласия с властями и попав под надзор [12, с. 502]. Данное обстоятельство помогает понять следующую строку из публикуемых документов: «Исжилось теперь житье, на окуновом блюде и в шитом золотом кафтане, который ты с себя сбросил, а я еще не смел скинуть». Здесь, несомненно, подразумевается звание камер-юнкера, в котором Вяземский, как и Завадовский, состоял при дворе до отказа от него по соображениям совести [12, с. 502].

Киндяков, в бытность молодым офицером, был еще ближе к оппозиции. Его имя фигурирует в деле Петербургского драгунского полка, где в 1798 г. был выявлен заговор против правительства. Роль будущего генерала в нем считалась одной из ключевых, вследствие чего Киндякова сослали в Сибирь и оправдали лишь после смерти Императора Павла в 1801 г. [2, с. 16–19].

Пытался ли Завадовский влиять на жизнь общества и государства в канун событий 1825 г., не ясно. Но то, что о «золотом кафтане», т. е. службе, он отзывается с иронией, да еще в письме к Вяземскому, чьи убеждения счи-

тались далекими от официоза, наводит на мысли о некоем сходстве их взглядов. Усиливает таковые и репутация грибоедовского приятеля, с годами прославившегося «как лицо не вполне политически благонадежное» [4, с. 536].

Эпистолярный Завадовского обнаруживает не только гражданский мотив в его отношениях с Вяземским. Более широкий контекст фразы о «золотом кафтане» также содержит и отзвук духовной тематики. Убийца Шереметева пишет о христианском календаре и о вызванных им ограничениях, намекает на собственное воздержание и даже целомудрие. Всем этим он производит впечатление человека, который, если и не верит в Бога истово, то, по меньшей мере, вспоминает о нем.

Перечисляя перемены в судьбе Завадовского в связи с «дуэлью четверых», Пржецлавский не говорит о трансформации его миропонимания. Но, рассказывая о реакции на гибель Грибоедова в 1829 г., приписывает ему следующие слова: «Не есть ли это Божья кара за смерть Шереметева» [18, с. 385]. Их смысл в свете предложений из письма Вяземскому о «посте» раскрывает в Завадовском человека, который явно не чужд вере. Причем заметно это и по другим заявлениям Пржецлавского. В одном из них, например, подчеркивается, что после трагедии 1817 г. ее фигурант «в службу не вступал и не бывал в обществе» [18, с. 385], чем якобы продемонстрировал «врожденное расположение к мизантропии» [18, с. 384], но, в сущности, встал на путь своеобразной аскезы. О таковой, с другой стороны, упоминается и в корреспонденции Завадовского, где, подразумевая смену условий жизни, автор иносказательно сообщает об отказе от роскоши. Помимо «золотого кафтана» как атрибута высокого положения в обществе, им также называются «стерляди» и «окуневое блюдо», которые, считаясь традиционными деликатесами [6, с. 81; 8, с. 83], отождествлялись с благополучием.

Рассуждения об эволюции главного фигуранта «дуэли четверых» вновь возвращают к личности Киндякова. Исследователи Грибоедова его имя не упоминают, но в литературе о А.Н. Радищеве о нем знают хорошо. Обоих классиков здесь не просто сравнивают друг с другом, но и называют родственниками — на основе генеалогических разысканий, которые доказывают, что бабушка автора «Горя...» приходилась симбирскому помещику и генералу теткой [30, с. 175–184].

Какими были отношения Грибоедова с Киндяковым, непонятно, следовательно, вопрос о подтексте соответствующих мест в письмах к

Вяземскому также остается открытым. Но тот факт, что, например, писатель-дипломат, живя в Крыму, ездил в деревню Завадовского [12, с. 94–96], тогда как последний, со своей стороны, виделся с его дядей в Москве, наводит на вполне определенные мысли. В их центре — коммуникация виновников гибели Шереметева после произошедшего, ее цель и влияние на обоих.

V

Итак, наблюдения над текстом записок из фонда РГАЛИ позволяют увидеть, как обновлялись мировоззрение Завадовского и стиль его жизни.

Сильнее всего после 1817 г. преобразилась этика приятеля Грибоедова. Из-за гибели Шереметева он уезжает в Англию [11, с. 104], а вернувшись в Россию, пускается в странствия, посещая столицы и провинцию, регионы Малороссии и Таврии. Хладнокровный бретер, в 1822 г. Завадовский заботится о судьбе соседа «роду из украинцев», рассуждает о вопросах веры, думает о Тимирязеве, чей облик кажется безукоризненным, и о доброхоте Давыдове. Имена последних звучат в его письмах к Вяземскому, который известен прогрессивными взглядами и дружбой с главными поэтами России [19, с. 501–502].

Почти то же касается деловых качеств Завадовского. Накануне событий 1817 г. они изображаются такими словами И.С. Листовского: «Граф Александр вел жизнь рассеянную, хотя был человеком ума недюжинного» [20, с. 172]. О полезных, но не задействованных талантах участника «дуэли четверых» пишет и Пржецлавский: «Это был умный и приятный собеседник» [18, с. 383]. И далее: «Все предвещало ему полный успех и в свете, и в служебной карьере» [18, с. 383]. Сходятся с приведенными характеристиками воспоминания Лисовского, который называл случайностью даже чиновничью карьеру своего родственника: «Николай Павлович [Император. — С.М.], встретив его раз, заметил ему, что он нехорошо делает, что не служит, и высказал желание видеть его на службе» [20, с. 172]. И здесь же: «Александр Петрович записался в Министерство Иностранных Дел с чином актуариуса, в котором и окончил жизнь, холостяком» [20, с. 172]. Но в 1820-х гг. интересы Завадовского меняются. Его знакомые и друзья в это время — люди с активной позицией в жизни (Вяземский, Тимирязевы, Дм. Давыдов, Киндяков). Сам граф уже производит впечатление деятельного человека, который проявляет заботу

о своем благосостоянии. Если 25 января 1822 г. он сообщает, что, уладив дела в Киеве, планирует направиться сначала домой на Полтавщину, а потом в Москву и дальше в Петербург, то спустя две с половиной недели, 12 февраля, находясь в Тепловке, заявляет о намерении посетить Одессу. К Черному морю приятеля Грибоедова зовут хлопоты, связанные с покупкой имения, а в столицы ему не терпится ехать после «контрактов» — крупнейшей ярмарки на юге страны [13, с. 25–26]²¹.

VI

Для науки о Грибоедове выявленные документы и выводы, сделанные на их основе, могут быть важны по нескольким причинам.

Первое, что обращает на себя внимание в ходе их прочтения, — мнимая несогласованность писем Завадовского к Вяземскому с другими источниками о «дуэли четверых». Если мемуары Пржецлавского формируют представление об убийце Шереметева как о типичном «фланере» [18, с. 381], который превратился в брызгу, то документы РГАЛИ на первый взгляд рисуют иную картину. Она показывает Завадовского сентиментальным пустословом, распутником и кутилой. Однако такое ощущение неверно — его опровергает комментарий, доказывающий, что в целом Пржецлавский был прав и на приятеля Грибоедова события 1817 г. повлияли сильно.

Второе: перемены в участниках «дуэли четверых» по причине гибели Шереметева были схожими. Как и Завадовский, писатель-дипломат много путешествует, на Восток и на Юг, посвящает себя искусствам и государственной службе, становится на путь веры, помогая нуждающимся и соблюдая обряды [12, с. 74–114, 137–143]. Наконец, он заводит отношения с князем Вяземским [3, с. 630; 10, с. 513]. То есть в общих чертах два фигуранта поединка переживают его последствия одинаково: в дороге, с концентрацией на труде, в кругу лучших представителей общества и не без мыслей о Творце. А значит, данное событие выступило определяющим эпизодом в судьбах именно обоих: не лишь убийцы Шереметева (в чем, собственно, и убеждают мемуары Пржецлавского, уточненные

21 Следующим 1823 г. датируется договор Завадовского с А.М. Бороздиным о купле преуспевавшей в прошлом экономии Саблы в Крыму — также подчеркивающий характер его занятий [12, с. 94].

корреспонденцией Завадовского), но и Грибоедова (что, напротив, отрицают знатоки его жизни)²².

Третье — это люди, с которыми автор писем к Вяземскому общался после 1817 г. Если таковыми были братья Тимирязевы, Дм. Давыдов, Киндяков etc., свод источников, связанный с их именами, может содержать факты, представляющие ценность для грибоедоведения.

Наконец, последнее. При сходстве участи друзей Вяземского, которое засвидетельствовало силу эффекта от убийства Шереметева, его проявления в частностях отличаются. Завадовский, если и изменился во многом в 1820-е гг., зависимость от прежних слабостей преодолевать не стал. Его одержимость, например, развлечениями удивляет — как будто бы не они повлекли за собой кровавое преступление, а в итоге и нарушили весь ход его жизни²³. В сравнении с ними образ мысли и поведение Грибоедова кажутся более закономерными. Вплоть до нового потрясения, вызванного казнью декабристов, он тяжело переживает все, что напоминает ему о «дуэли чет-

22 Логика приложения выводов Пржецлавского о Завадовском (точнее, о масштабах его перерождения) к Грибоедову можно реверсифицировать. В 1822 г. последний становится участником еще одного поединка — в качестве секунданта В.К. Кюхельбекера. Для будущего декабриста дело завершается скандалом, из-за которого он оставляет службу и получает аттестат, затрудняющий продвижение по карьерной лестнице [12, с. 86–89]. Н.Н. Муравьев, знавший всех фигурантов происшествия, утверждал по этому поводу: «Грибоедов причиною всего, и Кюхельбекер действовал по его советам» [1, с. 51]. То есть в тот самый год, когда Завадовский пишет Вяземскому слова о «красавицах» и празднествах, его приятель провоцирует очередную дуэль. Но ведь причастность к ней, если и характеризует Грибоедова в негативном ключе, не отменяет вывода об инерции, которая перестраивала его личность в свете гибели В.В. Шереметева. Следовательно, и неоднозначность поведения Завадовского в 1822 г., создающая ему образ того же повесы, каким он был почти за пять лет до этого, не является поводом исключать возможность метаморфоз уже в этом человеке (как гражданине, христианине и т. п.).

23 Пржецлавский не только не считал Завадовского анахоретом, но и не изображал в покаянном ключе выбор им «независимости» от общества — хотя мог бы сделать это как ревностный католик [18, с. 406]. Примечательно и признание грибоедовского приятеля от 12 февраля 1822 г.: «Мне хотелось ехать к вам в Москву, повидаться, порезвиться и на масляной какую-нибудь красавицу прокатить». Для участника преступной дуэли, которая произошла потому, что накануне он именно «прокатил» к себе домой возлюбленную Шереметева [9, с. 16], такая реплика звучит странно и даже вызывающе. Сказанное касается и страсти к риску, которая после 1817 г. продолжала характеризовать Завадовского — спустя девять лет он попадет под надзор властей как «крупный игрок» [23, с. 335]. Нельзя считать совпадением и его слова Вяземскому о «контрактной» ярмарке в Киеве, известной забавами и азартными предприятиями [32, с. 44–45], а также о Д.А. Давыдове, завсегдае «всех увеселений Москвы» [7, с. 46], и П.В. Киндякове, который поощрял разгульный образ жизни [15, с. 4].

верых». Но такая разница и впечатляет больше всего. Она показывает, что приятель Завадовского, не совершивший ни единого выстрела на Волковом поле, гибель Шереметева воспринял явно острее, чем тот, кто, собственно, его и убил²⁴.

Изложенное делает зримой противоречивость позиции современных грибоедоведов по отношению к поединку 1817 г., умаляющей его значение для «сочинителя Фамусова и Скалозуба». И усиливает аргументы в пользу противоположного мнения, игнорируемого ими при разборе событий двухвековой давности. Речь идет о расхожих в дворянской среде домыслах, которые частично перекладывают вину за гибель Шереметева с Завадовского на Грибоедова²⁵. Проверить их подлинность нелегко, но именно они объясняют характер эволюции писателя-дипломата до 1825 г., затронувшей все стороны его личности. И если в плане соответствия фактам ценность этих обвинений может вызывать сомнения, с точки зрения методологии она имеет большой потенциал. Таковой обнаружил себя в работе с крымским материалом, позволив через призму отношения Грибоедова к «дуэли четверых» переосмыслить целый ряд моментов его биографии²⁶. Значит, перспектива применения данного подхода к другим аспектам науки о русском классике, как минимум, не лишена смысла.

24 Спустя почти пять лет после катастрофы на Волковом поле Грибоедов ведет себя как человек, который по-прежнему не может забыть о гибели Шереметева. Его корреспонденция за 1822 г., т. е. когда Завадовский переписывался с Вяземским, полна мрачных описаний, аллюзий и предчувствий, связанных с темой смерти и передающих ощущение безысходности. Не менее красноречивы грибоедовские строки за 1817–1820 и 1823–1825 гг., а также наблюдения современников над состоянием писателя-дипломата в это время [12, с. 90–104].

25 Молва приписывала Грибоедову не просто участие в развитии конфликта между соперниками на всех его стадиях, но по существу организацию человекоубийства. Ссылаясь на Завадовского, Пржецлавский обвинял сочинителя «Горя...» в том, что именно он вынудил Шереметева требовать от обидчика полной сатисфакции, хотя, встав к барьеру, оба и были готовы разойтись с миром [18, с. 385]. Х. ван Гален, служивший вместе с А.И. Якубовичем и знавший уже его версию произошедшего, полагал, что к драме на Волковом поле привели «unfair means» [31, с. 191], т. е. некие обстоятельства, которые шли вразрез с известными в то время правилами чести. На них же намекал и А.А. Бестужев, утверждая, что долго был «предубежден против Александра Сергеевича» [1, с. 97] по причине слухов о неблагоприятности его роли в судьбе Шереметева.

26 Наблюдения над пребыванием классика в крымских Саблах и обнаружение факта их покупки Завадовским помогли поставить под сомнение устоявшиеся гипотезы о писательской роли в действиях участников заговора 1825 г., реконструировать замысел трагедии Грибоедова о Крещении Руси, прояснить спорные места его переписки и пр. [12, с. 192–194].

Актуализируя забытые слухи прошлого, внимание к трагедии на Волковом поле продолжает влиять на повестку дня в грибоедоведении. Письма из фонда Вяземского в РГАЛИ — новый аргумент, который способен ускорить этот процесс и придать ему четкий вектор.

Список литературы

- 1 А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / вступит. ст., сост. и подгот. текста С.А. Фомичев; коммент. П.С. Краснов, С.А. Фомичев. М.: Худож. лит., 1980. 448 с.
- 2 *Блохинцев А.Н.* Киндяковы / Дворец книги – Ульянов. обл. науч. б-ка им. В.И. Ленина / сост. Н.В. Бороденкова, Н.А. Морозова. Ульяновск, 2017. 71 с.
- 3 *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. / гл. ред. С.А. Фомичев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 3. 687 с.
- 4 Декабрист Н.И. Тургенев: Письма к брату С.И. Тургеневу / отв. ред. Н.Г. Свирин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 588 с.
- 5 Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М.: Наука, 1988. 446 с.
- 6 Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). 125 с.
- 7 Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и коммент. С.Я. Штрайх. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 739 с.
- 8 *Козубовская Г.П.* Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2011. 318 с.
- 9 Летопись жизни и творчества А.С. Грибоедова, 1791–1829 / авт.-сост. Н.К. Пиксанов. М.: Наследие, 2000. 239 с.
- 10 Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова. 1790–1829 / авт.-сост. Н.А. Тархова. М.: Минувшее, 2017. 604 с.
- 11 Малороссийский родословник: в 5 т. / авт.-сост. В.Л. Модзалевский. Киев: Тип. Тов-ва Г.Л. Фронцкевича и Ко, 1910. Т. 2: Е – К. 720 с.
- 12 *Минчик С.С.* Грибоедов и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 276 с.
- 13 *Мошенский С.З.* Финансовые центры Украины и рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. London: Xlibris, 2014. 503 с.
- 14 *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Худож. лит., 1977. 735 с.
- 15 Остафьевский архив князей Вяземских: в 5 т. СПб.: Шереметев, 1899. Т. 3 / ред. и примеч. В.И. Саитов. 830 с.
- 16 Пушкин и его окружение / авт.-сост. Л.А. Черейский. Изд. 2-е., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.
- 17 Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. / авт.-сост. В.В. Руммель, В.В. Голубцов. СПб.: А.С. Суворин, 1883. Т. 2. 972 с.
- 18 Русская старина. СПб., 1883. Т. XXXIX. Вып. 7–9. 656 с.
- 19 Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 7 т. / глав. ред. П.А. Николаев. Т. 1. А – Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 672 с.
- 20 Русский архив. М., 1883. Кн. 2. Вып. 3–4. 650 с.
- 21 Русский архив. М., 1884. Кн. 1. Вып. 1–2. 474 с.
- 22 Русский биографический словарь: в 25 т. / ред. А.А. Половцев. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1912. Т. [20]: Суворова — Ткачев. 600 с.

- 23 Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь / авт.-сост. А.И. Серков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 1224 с.
- 24 Сборник биографий кавалергардов: 1724–1899 / ред. С.А. Панчулидзе. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1906. Т. 3. 402 с.
- 25 Столетие военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. Д.А. Скалон. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1909. Т. 3. Отд. 5. Кн. 2. 526 с.
- 26 *Тимирязев К.А.* Жизнь растения / ред. В.М. Баутин. М.: Изд-во МСХА, 2006. 319 с.
- 27 *Тимирязев К.А.* Жизнь растения. Десять общедоступных чтений / общ. ред. А.К. Тимирязев. М.; Л.: Сельхозгиз, 1938. 248 с.
- 28 *Тимирязев К.А.* Избранные соч.: в 4 т. / ред. В.Л. Комаров, Т.Д. Лысенко, А.К. Тимирязев. М.: Сельхозгиз, 1948. Т. 1. 696 с.
- 29 *Фадеев А.М.* Воспоминания: в 2 ч. Одесса: Тип. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897. Ч. 1. 231 с.
- 30 *Шторм Г.П.* Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1968. 464 с.
- 31 *Memoirs of Don Juan van Halen*: In 2 vols. 2 ed. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. Vol. 2. 366 p.
- 32 *Voyage de Moscou à Vienne, par Kiow, Odessa, Constantinople, Bucharest et Hermanstadt; par le Comte de Lagarde*. Paris: Treuttel & Würtz, 1824. 440 p.

References

- 1 A.S. Griboedov v vospominaniiaakh sovremennikov [A.S. Griboedov in the memoirs of contemporaries], introd., comp. and prep. S.A. Fomichev; comm. P.S. Krasnov, S.A. Fomichev. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 448 p. (In Russ.)
- 2 Blokhintsev A.N. *Kindiakovy* [Kindyakovs], Dvorets knigi — Ul'ianovskaia oblastnaia nauchaia biblioteka im. V.I. Lenina, comp. N.V. Borodenkova, O.N. Morozova. Ulyanovsk, 2017. 71 p. (In Russ.)
- 3 Griboedov A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete works: in 3 vols.], ch. ed. S.A. Fomichev. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. Vol. 3. 687 p. (In Russ.)
- 4 *Dekabrist N.I. Turgenev: Pis'ma k bratu S.I. Turgenevu* [Decembrist N.I. Turgenev: The Letters to Brother S.I. Turgenev], ed. N.G. Svirin. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936. 588 p. (In Russ.)
- 5 *Dekabristy. Biograficheskii spravocchnik* [The Decembrists. The Biographical reference], comp. S.V. Mironenko. Moscow, Nauka Publ., 1988. 446 p. (In Russ.)
- 6 *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2016, no 2 (64). 125 p.
- 7 *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabristsa I.D. Iakushkina* [The Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkin], ed. and comm. S.Ya. Streikh. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1951. 739 p. (In Russ.)
- 8 Kozubovskaia G.P. *Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopoetika* [The Turn of 19th–20th centuries: Myth and mythopoetics]. Barnaul, Altaiskaia gos. ped. akademiia, 2011. 318 p. (In Russ.)
- 9 *Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Griboedova, 1791–1829* [The Chronicle of the life and work of A.S. Griboedov, 1791–1829], auth.-comp. N.K. Pksanov. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 239 p. (In Russ.)
- 10 *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Sergeevicha Griboedova. 1790–1829* [The Chronicle of the life and work of Alexander Sergeevich Griboedov. 1790–1829], comp. N.A. Tarkhova. Moscow, Minuvshee Publ., 2017. 604 p. (In Russ.)
- 11 *Malorossiiskii rodoslovnik: v 5 t.* [The Genealogy of Little Russia: in 5 vols.], auth.-comp. V.L. Modzalevsky. Kiev, Tipografiia Tovarishchestva G.L. Frontskevicha i Ko Publ., 1910. Vol. 2: E – K. 720 p. (In Russ.)
- 12 Minchik S.S. *Griboedov i Krym* [Griboedov and the Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2011. 276 p. (In Russ.)
- 13 Moshensky S.Z. *Finansovye tsentry Ukrainy i rynek tsennykh bumag industrial'noi epokhi* [The Financial centers of Ukraine and the securities market of the industrial age]. London, Xlibris Publ., 2014. 503 p. (In Russ.)
- 14 Nechkina M.V. *Griboedov i dekabristy* [Griboedov and the Decembrists]. 3rd ed. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977. 735 p. (In Russ.)
- 15 *Ostafevskii arkhiv kniaziei Viazemskikh: in 5 t.* [The Ostafievo archive of princes Vyazemsky: in 5 vols.] St. Petersburg, Sheremetev Publ., 1899. Vol. 3, ed. and not. V.I. Saitov. 830 p. (In Russ.)

- 16 *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his entourage], auth.-comp. L.A. Chereysky. 2nd ed., rev. and edd. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 544 p. (In Russ.)
- 17 *Rodoslovnyi sbornik russkikh dvorianskikh familii: v 2 t.* [The Pedigree collection of Russian noble families: in 2 vols.], auth.-comp. V.V. Rummel, V.V. Golubtsov. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1883. Vol. 2. 972 p. (In Russ.)
- 18 *Russkaia starina* [The Russian antiquity]. St. Petersburg, 1883. Vols. XXXIX, issue 7–9. 656 p. (In Russ.)
- 19 *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar': v 7 t.* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary: in 7 vols.], ch. ed. P.A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. Vol. 1: A – G. 672 p. (In Russ.)
- 20 *Russkii arkhiv* [The Russian archive]. Moscow, 1883. Book 2, issue 3–4. 650 p. (In Russ.)
- 21 *Russkii arkhiv* [The Russian archive]. Moscow, 1884. Book 1, issue 1–2. 474 p. (In Russ.)
- 22 *Russkii biograficheskii slovar': v 25 t.* [The Russian biographical dictionary: in 25 vols.], ed. A.A. Polovtsev. St. Petersburg, Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1912. Vol. [20]: Suvorov – Tkachev. 600 p. (In Russ.)
- 23 *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg. Entsiklopedicheskii slovar'* [The Russian masonry. 1731–2000. Encyclopedic dictionary], auth.-comp. A.I. Serkov. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)
- 24 *Sbornik biografii kavalergerdov: 1724–1899* [The Collection of biographies of the cavaliers: 1724–1899], ed. S.A. Panchulidzev. St. Petersburg, Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1906. Vol. 3. 402 p. (In Russ.)
- 25 *Stoletie voennogo ministerstva: 1802–1902* [A century of military ministry: 1802–1902], ch. ed. D.A. Skalon. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva M.O. Vol'f Publ., 1909. Vol. 3. Part 5. Book 2. 526 p. (In Russ.)
- 26 Timiryazev K.A. *Zhizn' rasteniia* [The life of the plant], ed. V.M. Bautin. Moscow, Izd-vo MSKhA Publ., 2006. 319 p. (In Russ.)
- 27 Timiryazev K.A. *Zhizn' rasteniia. Desiat' obshchedostupnykh chtenii* [Life of the plant. Ten public readings], ed. A.K. Timiryazev. Moscow, Leningrad, Sel'khozgiz Publ., 1938. 248 p. (In Russ.)
- 28 Timiryazev K.A. *Izbrannye sochineniia: v 4 t.* [Selected works: in 4 vols.], eds. V.L. Komarov, T.D. Lysenko, A.K. Timiryazev. Moscow, Sel'khozgiz Publ., 1948. Vol. 1. 696 p. (In Russ.)
- 29 Fadeev A.M. *Vospominaniia: v 2 ch.* [Memoires: in 2 parts]. Odessa, Tipografiia Iuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela Publ., 1897. Part 1. 231 p. (In Russ.)
- 30 Storm G.P. *Potaennyi Radishchev. Vtoraia zhizn' "Puteshestviia iz Peterburga v Moskvu"* [The hidden Radishchev. The second life of "Travels from St. Petersburg to Moscow"]. 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1968. 464 p. (In Russ.)
- 31 *Memoirs of Don Juan van Halen*: In 2 vols. 2 ed. London, Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. Vol. 2. 366 p. (In English)
- 32 *Voyage de Moscou à Vienne, par Kiow, Odessa, Constantinople, Bucharest et Hermanstadt; par le Comte de Lagarde*. Paris, Treuttel & Würtz, 1824. 440 p. (In Corsican)